

RU

А. С. Пушкин в творческом наследии Леопольда Седара Сенгора

Ибрахима Гай

Аннотация. Исследование посвящено анализу образа А. С. Пушкина и его поэзии в творческом наследии франкоязычного поэта, одного из основоположников движения негритюда Л. С. Сенгора. Цель нашей работы – выявить роль художественного наследия А. С. Пушкина в культурном пространстве Сенегала и определить значение феномена «жизненного пушкинианства» в африканском литературном контексте. В статье особое внимание уделяется феномену «Пушкин в жизни», который оказал значительное влияние на формирование мировоззрения Л. С. Сенгора как в биографическом, так и в поэтическом аспектах. Научная новизна исследования заключается в выявлении и обосновании уникальной роли художественного наследия А. С. Пушкина в культурном пространстве Сенегала, а также в определении значимости феномена «жизненного пушкинианства» в африканском литературном контексте. Впервые проведено комплексное исследование, которое позволило установить особенности восприятия и интерпретации творчества Пушкина в данной культурной среде. Результаты работы показывают, что в биографии Л. С. Сенгора можно выделить несколько эпизодов, которые аналогичны событиям из жизни А. С. Пушкина. Также были идентифицированы сходства на уровне поэтических текстов, созданных в рамках романтизма, присущего обоим авторам.

EN

A. S. Pushkin in the creative heritage of Léopold Sédar Senghor

Gaye Ibrahima

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the image of A. S. Pushkin and his poetry in the creative legacy of the French-speaking poet and one of the founders of the Negritude movement L. S. Senghor. The study aims to identify the role of A. S. Pushkin's creative heritage in the cultural space of Senegal and determine the significance of "life Pushkinism" in the African literary context. The article focuses on the phenomenon of "Pushkin in life", which became an important paradigm for L. S. Senghor both in his biography and poetic work. The scientific novelty of the research lies in identifying and substantiating the unique role of Pushkin's creative heritage in the cultural space of Senegal and determining the significance of "life Pushkinism" in the African literary context. This comprehensive study is the first one to demonstrate how Pushkin's works are perceived and interpreted in this cultural environment. The results of the study show that there are several episodes in L. S. Senghor's biography that are parallel to certain events in the life of A. S. Pushkin. Similarities were also identified in the poetic texts created within the framework of Romanticism; a style shared by both authors.

Введение

Актуальность данного исследования заключается в возросшем интересе современного литературоведения к вопросам рецептивной поэтики и эстетики творчества А. С. Пушкина, а также в необходимости изучения влияния его наследия на африканское культурное пространство. В последние десятилетия наблюдается растущий интерес к взаимосвязям между русской и африканской литературными традициями, что делает актуальным исследование образа А. С. Пушкина как культурного феномена в контексте африканской литературы. Восприятие творчества А. С. Пушкина в африканском контексте, в частности его влияние на личность и творчество Л. С. Сенгора, остается недостаточно изученным, несмотря на растущий интерес к исследованию транснациональных литературных связей. Анализ этого явления не только заполняет существующий пробел в изучении взаимодействия русской и африканской культур, но и способствует развитию сравнительного литературоведения и африканистики, что особенно важно для понимания роли классической литературы в формировании современных национальных и культурных идентичностей.

Для достижения поставленной цели исследования сформулированы следующие задачи:

1. Исследовать явление «Пушкин в жизни» как культурный феномен, отразившийся в русском культурном контексте, с целью определения восприятия образа А. С. Пушкина в российской культуре и его значения для литературной интерпретации жизни и творчества поэта в историческом и современном аспектах.

2. Провести анализ биографических параллелей между Л. С. Сенгором и А. С. Пушкиным, выявив сходства их жизненных путей и символическое отражение пушкинских мотивов в жизни Сенгора, с акцентом на африканский контекст интерпретации.

3. Осуществить сравнительный анализ поэтических мотивов в произведениях А. С. Пушкина и Л. С. Сенгора с целью выявления эстетических и философских пересечений, а также определения влияния пушкинской поэтики на творчество Сенгора и адаптации русского романтизма в африканской литературной традиции.

Для выполнения поставленных задач использовались следующие методы:

1. Биографический метод, который позволил установить и раскрыть личные и творческие связи Л. С. Сенгора с наследием А. С. Пушкина, акцентируя внимание на символическом и культурном влиянии русского поэта на африканского автора.

2. Сравнительно-сопоставительный метод, использованный для выявления общих поэтических тем и мотивов в произведениях обоих авторов. Данный метод позволил провести систематический анализ сходства и различий в литературных подходах и эстетических предпочтениях Л. С. Сенгора и А. С. Пушкина, а также показать, как элементы пушкинской поэтики были адаптированы в литературной традиции стран Западной Африки.

3. Метод целостного анализа литературного произведения, который применялся для исследования отдельных стихотворений и поэтических циклов Л. С. Сенгора и А. С. Пушкина, с акцентом на их художественные и философские особенности.

Комплексное использование методов обеспечило глубокий и всесторонний подход к исследованию влияния А. С. Пушкина на творчество Л. С. Сенгора и позволило выявить новые аспекты восприятия пушкинской поэзии, включая ее символическое значение для формирования культурной идентичности, интерпретацию универсальных гуманистических тем и адаптацию поэтических элементов русского романтизма в литературной традиции стран Западной Африки.

Материалом исследования послужили следующие сочинения писателей:

- Стихотворения Л. С. Сенгора «Жоаль» (1945), «Ураган» (1945): Senghor L. S. Joal (1945), L'Ouragan (1945) // Senghor L. S. Œuvre Poétique. P.: Editions du Seuil, 1990; Сенгор Л. Стихи. 1990. <https://libking.ru/books/poetry/poetry/413254-leopold-sengor-stihi.html>.

- Стихотворения А. С. Пушкина «Вольность» (1817), «Война» (1821), «Царское село» (1823) // Пушкин А. С. Стихотворения. М.: Эксмо, 2022.

Теоретическую основу исследования составляют работы, посвященные нескольким ключевым аспектам, во-первых, анализу жизни и творчества А. С. Пушкина и Л. С. Сенгора, включая изучение биографических и литературных параллелей между этими авторами (Вересаев, 1927; Paperno, 1992; Kesteloot, 1986). Во-вторых, привлекались труды представителей семиотического направления, рассматривающие поэтический текст как систему знаков и символов, в том числе работа Ю. М. Лотмана (2002). В-третьих, использовались исследования Констанцской школы и теории рецепции, освещающие процессы восприятия и интерпретации литературных произведений читателями и критиками (Iser, 1976).

Практическая значимость работы состоит в том, что предложенные в ней наблюдения, параллели, а также задействованные источники могут быть использованы в ходе дальнейшей разработки фундаментальной темы русско-африканских литературных связей, а также в рамках таких дисциплин, как «Сравнительное литературоведение», «История русской литературы XIX века».

Обсуждение и результаты

Л. С. Сенгор является одновременно поэтом и философом, причем эти аспекты его личности и творчества неразделимы. «Сенгор – поэт и Сенгор – философ: они и разделимы, и неразделимы, как близнецы-братья. В своей поэзии Л. С. Сенгор в художественной форме воспеваает негро-африканскую личность, размышляет над её местом в мире, а в своей философии стремится запечатлеть её метафизические рассуждения, сущность и особенности» (Цит. по: Корнеев, 2002).

Как и А. С. Пушкин, воспевающий русский дух в своей поэзии, Л. С. Сенгор обращается к идее африканского духа. О связях между А. С. Пушкиным и Л. С. Сенгором пишет Э. Блайден: «Среди африканских гениев XIX столетия одним из самых замечательных был Александр Пушкин... <...> Расу, давшую таких гениев, нельзя считать низшей» (Цит. по: Корнеев, 2002). Отметим, что Э. Блайден также относил А. С. Пушкина к африканцам в силу эфиопского происхождения одного из его предков. Автор подчеркивает, что «Сенгор не ссылаясь на Пушкина, хотя, конечно, был знаком с его именем как европейски образованный человек...», однако аллюзии к А. С. Пушкину «проходили красной нитью через всю его концепцию негритуада» (Цит. по: Корнеев, 2002).

В XIX веке поэтический образ А. С. Пушкина и его реальная историческая личность стали неразрывно переплетаться в художественном и культурном пространстве России. Феномен пересечения художественного образа и реальной жизни был назван «жизнетворчеством».

Ориентация на образ А. С. Пушкина оказала значительное влияние на творчество поэтов, следовавших пушкинской традиции, и получила название «поэтическое пушкинианство», заключающееся в стремлении соотносить свое поведение в реальной жизни либо с жизнью самого А. С. Пушкина, либо с литературными образами, созданными им. По мнению И. Паперно, это явление можно охарактеризовать как «жизненное пушкинианство» (Paperno, 1992, p. 19).

В нашем случае параллель сложившихся на рецептивном уровне культуры образов А. С. Пушкина с Л. С. Сенгором определяется символическим значением цвета кожи: А. С. Пушкин ассоциируется с Африкой через «темный цвет», что отражает символистический ореол, окружавший образ Африки в европейской культуре. Как отмечает И. Паперно в своей работе «Пушкинский подтекст»: «...я – негр, я – Пушкин, и я – поэт» (Паперно, 1992, р. 35). Это утверждение подчеркивает, что для Л. С. Сенгора А. С. Пушкин является не только символом африканской идентичности, но и примером жизненной философии и идеологии. Образ Африки и «черный цвет» играют ключевую роль в осмыслении поэтической связи между этими двумя поэтами.

Явление «Пушкин в жизни» проявляется и в биографии Л. С. Сенгора, которая свидетельствует о поэтической связи между русским и сенегальским поэтами на протяжении более чем шести десятков лет. В биографии Л. С. Сенгора можно выделить несколько обстоятельств, которые напоминают факты из жизни самого А. С. Пушкина.

Одним из таких аспектов является значение имени. Имя «Леопольд», носимое Сенгором, связано с именем бельгийского короля Леопольда III, что имеет определенные параллели с именем Александра Пушкина, которое также соотносилось с несколькими государственными правителями, такими как князь Александр Невский и Александр Великий (Лотман, 1995). Еще одним важным аспектом является родословная обоих поэтов. А. С. Пушкин родился в семье Сергея Львовича, выходца из Пруссии, чье происхождение связано с дворянскими фамилиями, среди которых были и Пушкины (Золотова, 2020, с. 5). Интересно происхождение русского поэта также по линии его матери – Надежды Осиповны Ганнибал. Род Ганнибалов, по преданиям, восходит к сыну африканского князя, который был вывезен в Россию и стал воспитанником Петра I (Лотман, 1995). История происхождения Л. С. Сенгора не менее любопытна. В сенегальской культуре фамилия Сенгор относится к роду «Гелевар» (дворян) и этнической группе серер, которая несколько веков назад мигрировала из земли Малинке (на территории Верхней Гвинеи). Отец Л. С. Сенгора, Диогой Сенгор, был дворянином и крупным торговцем, владельцем обширного поместья с тысячей голов скота. Его мать, Гнилан Бахум, принадлежала к роду сереров, которые, согласно словам Сенгора, имели фула-корни (представители другой этнической группы Сенегала) (Djan, 2005, р. 15).

Отметим, что в сенегальской культуре брак между представителями разных этнических групп считается смешанным, а их потомки относятся к смешанной расе. Таким образом, Л. С. Сенгор, как и А. С. Пушкин, происходил из семьи смешанного происхождения.

В биографии А. С. Пушкина важным моментом является расставание с родителями при поступлении в Царскосельский лицей в возрасте одиннадцати лет. Подобный эпизод пережил и Л. С. Сенгор, которого в возрасте семи лет отправили учиться в католическую миссию, где он получил свое первое образование. Л. С. Сенгор сам признавался, что расставание с родителями стало определяющим моментом в его жизни (Hommage à Léopold Sedar Senghor..., 1976, р. 14).

Еще один значимый эпизод в биографии А. С. Пушкина связан с ролью его няни Арины Родионовны и бабушки, которые оказали большое влияние на воспитание юного Пушкина.

Подобная ситуация наблюдается и в биографии Л. С. Сенгора. В сенегальской культуре XX века в семьях знатных людей часто были няни, которые не только заботились о детях, но и рассказывали им легенды и истории о сенегальских предках. Л. С. Сенгор писал: «Дома, после ужина, наступали поминки. В течение часа или более наши няни также рассказывали нам сказки и легенды старых людей» (Hommage à Léopold Sedar Senghor..., 1976, р. 35).

Кроме того, А. С. Пушкина и Л. С. Сенгора объединяет важное обстоятельство – владение французским языком. В русской культуре А. С. Пушкин считается «французом», что связано с его великолепным знанием французского языка, на котором он читал произведения Мольера. В. В. Вересаев (1927) отмечал, что А. С. Пушкин был «настоящим знатоком французской словесности и усвоил себе прекрасный французский слог, которому в письмах его могли удивиться природные французы». Многие произведения Пушкина, включая стихотворения и письма, написаны непосредственно на французском языке. В. В. Вейдле в работе «Пушкин и Европа» подчеркивал: «Это едва не единственный случай в истории литературы, когда величайший поэт своей страны признавался, что ему легче писать на иностранном языке, чем на своем <...> на французской литературе был он воспитан больше, чем на русской» (1991, с. 34). Также известно, что многие творения Пушкина содержат эпиграфы, фразы и целые отрывки на французском языке. Примером служит его письмо к Чаадаеву: «Mon ami, je vous parlerai la langue de l'Europe, elle n'est plus familière que la notre» («Друг мой, я буду говорить с вами на языке Европы, он мне привычнее нашего») (Пушкин, 2022, с. 14).

Подобно А. С. Пушкину, Л. С. Сенгор был воспитан в франкоязычной культуре. Знание французского языка позволило ему развить негро-африканскую литературу на основе французского языка. В то же время тексты Л. С. Сенгора обладают лингвистическим разнообразием: в них можно встретить не только французский язык, но и сенегальские национальные языки, такие как волоф и серер.

Следует подчеркнуть, что как А. С. Пушкин, так и Л. С. Сенгор связаны с судьбой своих народов. В русской литературе А. С. Пушкин считается основоположником современной русской литературы, что подтверждается множеством высказываний выдающихся писателей его поколения (Лотман, 1988, с. 10). Например, Н. В. Гоголь отмечал: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа» (Цит. по: Сумцов, 2020, с. 21), Ф. М. Достоевский утверждал: «Пушкин есть пророчество и указание» (Цит. по: Сумцов, 2020, с. 26), а Д. С. Мережковский писал: «Пушкин – это “белый цвет”» (Цит. по: Сумцов, 2020, с. 27).

Точно так же Л. С. Сенгор является одним из основателей франкоязычной африканской литературы и наиболее известным поэтом этой традиции. Подобно А. С. Пушкину в русской литературе, Л. С. Сенгор в африканской литературе считается «мастером знаний» (*Hommage à Léopold Sedar Senghor...*, 1976, p. 35), «Гелеваром африканской поэзии» (*Hommage à Léopold Sedar Senghor...*, 1976, p. 35) и «лучезарной звездой Сенегала, озарившей Африку и мир своей душой и своим искусством» (*Hommage à Léopold Sedar Senghor...*, 1976, p. 35). Творчество Л. С. Сенгора несомненно стало образцом и примером для народов Африки. Поэт вдохнул новую жизнь в африканскую литературу, привнеся в нее реалии Черной Африки, которые глубоко коренятся в традиционном африканском обществе.

М. Я. Корнеев (2002), в частности, относил творчество Л. С. Сенгора к мессианским тенденциям негритюда, подчеркивая, что в произведениях Сенгора прослеживаются мечты о развитии ценностей и их участии в панчеловеческой конвергенции ради «Всемирной цивилизации».

Феномен «Пушкин в жизни», или явление «жизненного пушкинианства», находит свое выражение у Л. С. Сенгора не только в биографическом, но и в поэтическом контексте. В качестве примера можно привести следующие строки из стихотворения А. С. Пушкина «Царское село» (1823) и произведения Л. С. Сенгора «Жоаль» (1945):

Хранитель милых чувств и прошлых наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой.
Веди, веди меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов,
И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И зланных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, средь блещущих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей (Пушкин, 2022, с. 109).

Joal !
Je me rappelle.
Je me rappelle les signares à l'ombre verte des vérandas
Les signares aux yeux surréels comme un clair de lune sur la grève.
Je me rappelle les fastes du Couchant
Où Koumba N'Dofène voulait faire tailler son manteau royal.
Je me rappelle les festins funèbres fumant du sang des troupeaux égorgés
Du bruit des querelles, des rhapsodies des griots.
Je me rappelle les voix païennes rythmant le Tantum Ergo
Et les processions et les palmes et les arcs de triomphe.
Je me rappelle la danse des filles nubiles
Les chœurs de lutte – oh! la danse finale des jeunes hommes, buste
Penché élané, et le pur cri d'amour des femmes – Kor Siga! (Senghor, 1990, p. 17-18).

Жоаль!
Я вспоминаю.
Я вспоминаю синьяр – красавиц в зеленой тени веранд,
и глаза их неправдоподобные, словно сиянье луны на морском берегу.
Я вспоминаю роскошь Заката, из которого Кумба Н'Дофен повелел королевскую мантию выкроить.
Я вспоминаю поминальные пиршества и запах дымящейся крови зарезанных стад,
Песни гриотов и шум перебранок.
Я вспоминаю языческие голоса, распеваящие католическую молитву,
Процессии, пальмы, триумфальные арки.
Я вспоминаю танцы готовых к замужеству девушек,
Пляски – о, боевые пляски! – воинственных юношей, их боевые песни,
Их устремленные в битву тела,
И женские крики – чистый голос любви: «Кор-Сига!»
<...> (Сенгор, 1990).

Анализ двух приведенных стихотворений иллюстрирует биографическое сходство между А. С. Пушкиным и Л. С. Сенгором. Особое внимание заслуживает тот факт, что в названиях этих произведений фигурируют названия городов. Царское Село – место, в котором А. С. Пушкин провел значительный период своей жизни, включая годы обучения в Лицее. Данный этап жизни является символическим, так как именно здесь формировался поэтический талант русского поэта. В Царском Селе А. С. Пушкин сохранял воспоминания о своей юности, которые составляют смысловую основу стихотворения «Царское село». В этом городе также были пережиты важнейшие события, такие как Отечественная война 1812 года, а юного поэта в Царском Селе вдохновляли величественные образы Петра Великого, Бориса Годунова, императрицы Екатерины, Наполеона и Байрона, которые нашли отражение в его творчестве.

Подобным образом город Жоаль занимает центральное место не только в биографии Л. С. Сенгора (как его родной город), но и в его поэзии. Жоаль – это место, где Л. С. Сенгор получил начальное образование. Город стал своего рода детским королевством для поэта. Л. С. Сенгор вспоминает, как, будучи ребенком, он сопровождал своего дядю по материнской линии в поле, играл с пастухами и охотился с друзьями-фулани, которые рассказывали ему свои сказки и легенды. Как сам поэт замечает: «Именно эти воспоминания создали у меня самое сильное впечатление о существовании цивилизации чернокожих африканцев, оставили во мне самый неизгладимый след» (Hommage à Léopold Sedar Senghor..., 1976, p. 50). Романтическое детство Л. С. Сенгора прошло на берегах Атлантического океана, в Жоале, среди атмосферы сельского мира и крестьянской жизни, что также оказало влияние на формирование его поэтики.

В поэзии Л. С. Сенгора можно выделить принцип, который литературоведы обозначают как «жизненная сила». Как пишет М. Я. Корнеев (2002), «идея жизненных сил находит у Л. С. Сенгора выражение в так называемом мистическом браке Земли и человека».

Стихотворения А. С. Пушкина «Царское село» и Л. С. Сенгора «Жоаль» имеют и другое сходство, помимо того, что в их названиях фигурируют имена городов. В частности, оба произведения принадлежат к различным жанрам – элегии и лирической поэме, что является жанровым определением для каждого произведения. Центральной темой обоих стихотворений выступают воспоминания о детских годах, однако средства выразительности, использованные каждым поэтом, значительно различаются.

Тема воспоминаний о детстве у обоих поэтов представлена по-разному, что также обусловлено культурными различиями между Россией и Сенегалом. В стихотворении А. С. Пушкина прослеживаются различные образы, связанные с темой детства, такие как «волшебные места, где я живу душой» и «леса, где я любил, где чувство развивалось».

В этом произведении Пушкин передает свои ностальгические чувства, описывая юные прогулки, которые связаны с наслаждением от общения с природой. В стихотворении ощущается глубокая печаль, вызванная воспоминаниями о тех местах и времени, и эта ностальгия является ключевым элементом текста. Через образ юности Пушкин воспевае любовь и трепетное воспоминание о прошлом.

Стихотворение Л. С. Сенгора «Жоаль», несмотря на общую тему, обладает специфической характерностью, обусловленной культурным и историческим контекстом Сенегала. Использование местоимения «я», которое встречается также в стихотворении А. С. Пушкина, указывает на личную, интимную природу воспоминаний, выражающих глубокую ностальгию поэта по своему раннему детству. Однако культурный контекст у Л. С. Сенгора иной. Тема детства у него напрямую связана с традициями Черной Африки, что отражается в особенностях лексики и стилистики. Сенгор стремится проникнуть в обряды и культуру серерского народа, что находит отражение в использовании специфических слов и выражений, таких как «синьяр», «роскошь заката», «Кумба Н'Дофен», «поминальные пиршества и запах дымящейся крови зарезанных стад», «песни гриотов», «языческие голоса», «танцы готовых к замужеству девушек», «воинственных юношей», «боевые песни» и т. д. Слова и образные выражения создают атмосферу африканской культурной идентичности, отличая поэтику Л. С. Сенгора от пушкинской традиции, в которой доминируют образы природы и русской культурной среды.

Лексика, используемая Л. С. Сенгором в стихотворении, представляет собой элементы жаргона сенегальской культуры, в частности этнической группы серер. Для сереров, как и для других народов Черной Африки, воспитание детей с раннего возраста включало освоение мистических традиций, которые были неотъемлемой частью их мироощущения. Л. С. Сенгор с особым уважением и трепетом вспоминал о своем детстве, что находит отражение в присутствии фольклорных мотивов в его поэме «Жоаль». Примером этого являются строки: «...я вспоминаю синьяр – красавиц в зеленой тени веранд, и глаза их неправдоподобные, словно сиянье луны».

Особое внимание следует уделить упомянутым «синьярам». В культуре сереров синьяры обозначали самых красивых женщин региона, которые отличались не только физической привлекательностью, но и элегантностью. Женщины пользовались особым вниманием со стороны местных дворян, землевладельцев, а также белых мужчин. Важно отметить, что синьяры жили в колониальную эпоху, когда регионом управлял колониальный губернатор, а также король, который обладал значительными земельными угодьями. В детские годы Л. С. Сенгора городом управлял король Кумба Н'Дофен, чье присутствие в жизни сенегальского поэта оставило неизгладимый след. По воспоминаниям Сенгора, король Кумба Н'Дофен часто посещал дом его отца, и эти визиты воспринимались как важные праздничные события для народа сереров. Визиты короля были встречены с почестями, и его сопровождали многочисленные последователи и почитатели.

Примером этого является строка: «Я вспоминаю роскошь Заката, из которого Кумба Н'Дофен повелел королевскую мантию выкроить», что отражает важность посещения короля как символа торжества и величия.

В серерской культуре визит вежливости короля был не просто церемонией, но и целым ритуалом, сопровождавшимся праздничными мероприятиями, такими как жертвоприношения. Во время этих ритуалов приносились в жертву животные, что символизировало поклонение умершим предкам и было частью традиционного культа, поддерживающего связь с прошлым.

Я вспоминаю поминальные пиршества
И запах дымящейся крови зарезанных стад,
Песни гриотов и шум перебранок (Сенгор, 1990).

В своих детских воспоминаниях Л. С. Сенгор подчеркивает очень важный факт, касающийся его этнической группы серер, а именно религию его предков, которую до сих пор исповедует часть населения. Народ серер в целом преимущественно состоял из анимистов. Этим объясняются подношения в честь мертвых, которые для народа серер не мертвы, а скрыты в деревьях, лесах, полях и нескольких тайных местах в доме.

Я вспоминаю языческие голоса, распеваящие католическую молитву,
Процессии, пальмы, триумфальные арки (Сенгор, 1990).

Еще один элемент культуры, о котором говорит Л. С. Сенгор, – роль гриотов. Они сопровождают королей во время их визитов. В африканских обществах они считаются глашатаями, хранителями королевских секретов. Во время праздников гриоты – мастера церемоний.

В детских воспоминаниях Л. С. Сенгора особенно ярко прослеживается этот заключительный эпизод пиршества, где появляются мужчины и женщины:

Я вспоминаю танцы готовых к замужеству девушек,
Пляски – о, боевые пляски! – воинственных юношей, их боевые песни,
Их устремленные в битву тела,
И женские крики – чистый голос любви: «Кор-Сига!» (Сенгор, 1990).

В народной культуре сереров во время празднеств, устраиваемых от имени короля, особое место отведено танцам, в ходе которых появляется группа прекрасных женщин брачного возраста. Девушки встречают своих будущих женихов – сильных и стройных мужчин, прошедших обряд посвящения в супруги. Танцевальный круг становится местом встречи молодых влюбленных, где возможны признания в любви, являясь важным событием в их жизни. Эпизод можно сравнить с балами в произведении А. С. Пушкина «Евгений Онегин». В европейских обществах, как и в традиционном сенегальском, балы служили моментами встреч, когда мужчина приглашал женщину на танец, чтобы выразить свои чувства. Такая романтическая традиция существовала и в культуре сереров.

Таким образом, можно утверждать, что стихотворения А. С. Пушкина и Л. С. Сенгора, несмотря на различие в социокультурных контекстах (русском и сенегальском), отражают общую тему воспоминаний о детских годах знаменитых поэтов. Детство обоих поэтов окрашено чувством ностальгии, однако воспоминания Пушкина, в отличие от Сенгора, часто сопровождаются грустью и печалью.

Кроме того, в поэтическом аспекте отождествление А. С. Пушкина с Л. С. Сенгором возможно через несколько общих романтических тем, среди которых ключевое место занимает тема свободы. Л. С. Сенгор, в свою очередь, также уделял значительное внимание этой теме в своей поэзии, что объясняется его политической приверженностью борьбе с социальными и колониальными проблемами, актуальными для Африки. Обращение к теме свободы у обоих поэтов не только связано с историко-социальными условиями их эпох, но и является характерной чертой романтизма, в котором тема свободы представлена как важнейшая категория в различных литературах (Njami, 2006, p. 75).

Россия XIX века и Африка XX века имели схожие черты, прежде всего в контексте политического и социального устройства. Россия того времени характеризовалась самодержавием и существованием крепостного права, что значительно усиливало власть царя и углубляло социальное разделение. В таких условиях социальная реальность была жестко иерархизирована, с разделением общества на различные категории, от дворян до крестьян, последним из которых приходилось работать на помещиков. А. С. Пушкин в своих произведениях активно обращался к этой социальной реальности, критикуя существующий порядок и выражая идеи свободы. Одним из ярких примеров этого является его ода «Вольность» (1817), в которой выражены идеи борьбы с угнетением и стремления к свободе.

Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! Трепещите!
А вы, мужайтесь и внемлите,
Восстаньте, падшие рабы!
Везде несправедная власть
В сгущенной тьме предрассуждений
Воссела – рабства грозный гений
И славы роковая страсть (Пушкин, 2022, с. 70).

Ода «Вольность» может быть рассмотрена как своеобразное продолжение традиции А. Н. Радищева, прекрасно иллюстрирующее в литературе исторический контекст русского общества XIX века. В той же традиции ода миру иллюстрирует и эпоху, в которую жил и сам А. С. Пушкин. В числе других примеров можно назвать стихотворения «К Чаадаеву» и «Деревня». Все стихотворения содержат страстное обличение самодержавия и крепостничества, по стилю поминающее «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева.

Рассматриваемый период ознаменовался важным и знаковым событием в истории России – Наполеоновской войной. В этой войне многие друзья А. С. Пушкина встали в ряды защитников Родины. Сам А. С. Пушкин посвятил этому событию стихотворение «Война» (1821):

Война !.. Подъяты наконец,
Шумят знамены бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести (2022, с. 91).

Социокультурные и социополитические контексты России XIX века и Африки XX века, эпохи Л. С. Сенгора, имеют определенные параллели, но также и значительные различия. В России XIX века социальная структура и политическая система были сформированы на основе крепостного права, которое стало основным механизмом эксплуатации крестьян. В Африке же в период жизни Л. С. Сенгора колонизация была доминирующим процессом, определяющим политическую и экономическую жизнь континента. Колонизация африканских стран в это время подразумевала прямое вмешательство и контроль европейских держав – Франции, Великобритании, Бельгии – над территориями и народами, что означало жесткое подчинение местного населения метрополиям (Glauman, 1980, p. 53).

Хотя и в России, и в Африке существовали формы угнетения и эксплуатации, важно отметить, что они имели разные исторические и социальные корни. Крепостное право в России было внутренним институтом феодальной системы, в то время как колониализм в Африке был частью глобальной имперской политики, в ходе которой европейские державы не только эксплуатировали ресурсы, но и активно навязывали свои ценности, культуру и политическую систему. Подчинение африканских народов колониальным державам также происходило через систему прямого контроля и насилия, что отличается от специфики российской реальности (Garrot, 1978, p. 56).

Жизнь африканцев была полностью зависима от воли колониальных властей. Чернокожие жители континента были лишены свободы, вынуждены работать на плантациях, принадлежащих их колонизаторам. Социальное неравенство пронизывало все сферы жизни в колониальной франкоязычной Африке, что существенно сказывалось на положении африканских народов и их культуре.

Л. С. Сенгор, с ранних лет осознававший эту несправедливость, не преминул отметить ее в своей поэме “L’Ouragan” (1945) («Ураган»):

L’ouragan arrache tout autour de moi
Et l’ouragan arrache en moi feuilles et paroles futiles (Senghor, 1990, p. 13). /
Ураган, все скорее смети, оборви все вокруг
И во мне оборви ненужные листья, пустые слов (Сенгор, 1990).

Можно утверждать, что специфические условия, связанные с колонизацией и Второй мировой войной, стали определяющими для Л. С. Сенгора в осознании своей миссии как поэта и интеллектуала. События побудили его обеспокоиться будущим своего народа, стремясь «реабилитировать черного человека, предрасудки расы» (Цит. по: Samba, 2011, p. 30). Чувство гуманизма, присущее А. С. Пушкину, также стало важным элементом творчества Л. С. Сенгора. Сенгор сам утверждал, что трагические эпизоды, пережитые черными народами, стали для него судьбой, которую он разделяет со славянскими народами. В письме русскому поэту Е. А. Евтушенко, который пригласил его на Всемирный фестиваль негритянского искусства в Дакаре в 1966 году, сенегальский поэт писал: «Что объединяет славянские и черные народы, так это их способность страдать, нежность, которая остается в глубине их сердец» (“Ce qui rapproche les peuples slaves et les peuples noirs, c’est avec leur capacité de souffrir, le maintien de la tendresse au fond de leur cœur”) (Blum, Katsakioris, 2019, p. 847).

Политическая воинственность была также важной чертой, которая связывала Л. С. Сенгора и А. С. Пушкина. А. С. Пушкин, как известно, не раз подвергался ссылке за свои политические убеждения. Оба поэта активно выступали за социальную справедливость, в центре которой всегда стоял «человек». Исследователь Иссиака Ахмаду Сингаре замечает: «Воинственный Сенгор тем не менее знал, как уберечься от концепции искусства, подчиненного политическому выбору. По его мнению, отношения между искусством и политическим выбором должны быть не зависимыми, а взаимозависимыми» (Singare, 2012, p. 30). Данный аспект позже был разработан М. Я. Корнеевым (2002), который назвал его «жизненной силой».

Заключение

В результате проведенного исследования установлено, что наследие А. С. Пушкина оказало значительное влияние на развитие африканской литературы, что находит отражение в творчестве нескольких франкоязычных писателей Африки, особенно в работах сенегальского поэта Леопольда Седара Сенгора, а также

в произведениях таких авторов, как Ж.-Ж. Нколло, О. Бхели-Куэну. Важнейшим аспектом этого влияния является явление «Пушкин в жизни», которое в значительной степени стало частью биографии Л. С. Сенгора, а также его поэтического мировоззрения. В творчестве Л. С. Сенгора это явление выражается через глубокие аллюзии к А. С. Пушкину, которые проходят красной нитью через его произведения, особенно в контексте его философской концепции негритуада. Как и А. С. Пушкин, воспевавший русский дух и традиции, Л. С. Сенгор стремится художественно выразить африканскую идентичность, размышляя о ее метафизических аспектах и месте в мире.

В биографии Л. С. Сенгора прослеживаются параллели с жизнью А. С. Пушкина, что подчеркивает важность фигуры русского поэта для формирования личностной и творческой идентичности африканского автора. Л. С. Сенгор, как и А. С. Пушкин, сталкивался с социальной несправедливостью и политическими репрессиями, что также оказало влияние на его поэтические и философские взгляды. Аллюзии к Пушкину в жизни и творчестве Сенгора имеют глубокий символический смысл и являются важным элементом рецепции пушкинского наследия.

Проанализированные лексические особенности, метафоры и темы в произведениях обоих авторов, таких как «Царское село», «Вольность» и «Война» А. С. Пушкина; «Жоаль» и «Ураган» Л. С. Сенгора, демонстрируют наличие общих эстетических и философских тенденций, несмотря на различие в социокультурных и исторических контекстах. В частности, обоих поэтов объединяет обращение к личной, индивидуальной судьбе в контексте социально-политических условий, что делает их творчество актуальным не только в рамках национальных литератур, но и в более широком, универсальном культурном контексте. Пушкина и Сенгора можно рассматривать как поэтов, чьи произведения отражают глубокие переживания и размышления о судьбе человека, социальной справедливости и свободе, что является важным аспектом в понимании их роли в мировой литературе.

Таким образом, исследование позволило не только углубить понимание роли А. С. Пушкина в мировой литературной традиции, но и показать, как его влияние преломляется в творчестве африканских авторов, особенно в контексте таких фигур, как Л. С. Сенгор. Проведенное исследование вносит вклад в развитие сравнительного литературоведения, расширяя перспективы анализа рецепции пушкинского наследия в африканской литературе. В дальнейшем представляется перспективным более глубокое исследование трансформации пушкинских традиций в творчестве африканских авторов, таких как Ж.-Ж. Нколло, что позволит выявить новые аспекты восприятия и интерпретации русской классики в контексте африканской литературы. Исследование должно включать анализ того, как пушкинские мотивы, темы и стиль адаптируются и перерабатываются в произведениях этих авторов с учетом их уникальной культурной, исторической и социальной реальности. Важно рассмотреть, каким образом пушкинские идеи, такие как свобода, личная судьба и социальная справедливость, трансформируются в контексте африканского постколониального дискурса.

Аналогично, анализ восприятия пушкинских сказок бенинским писателем О. Бхели-Куэну представляется важным направлением для изучения трансформации русской фольклорной традиции в африканской литературе. Важно исследовать, как в сказках А. С. Пушкина, известных своими символическими и моральными элементами, могут быть отражены африканские культурные и мифологические традиции. Такой подход поможет углубить понимание того, как творчество А. С. Пушкина может быть переосмыслено и интерпретировано в контексте другой культурной и социальной среды.

Источники | References

1. Вейдле В. В. Пушкин и Европа // Русская речь. 1991. Вып. 3
2. Вересаев В. В. Пушкин в жизни. 1927. http://dugward.ru/library/veresaev/veresaev_pushkin_v_jizni_1.html
3. Золотова Н. Н. Встреча с Пушкиным. М.: Русский язык, 2020.
4. Корнеев М. Я. Метафизика, эстетика и компаративистика Леопольда Седара Сенгора. 2002. <http://anthropology.ru/ru/text/korneev-myа/metafizika-estetika-i-komparativistika-leopolda-sedara-sengora>
5. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. М.: ЭКСМО, 2002.
6. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988.
7. Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПБ, 1995.
8. Сумцов К. Ф. Пушкин. Исследования. М. – Харьков: Печатное дело, 2020.
9. Blum F., Katsakioris C. Léopold Sédar Senghor et l'Union Soviétique: La Confrontation, 1957-1966 // Cahiers d'Études Africaines. 2019. Vol. 59. Cahier 235 (3).
10. Djan J. M. Léopold Sedar Senghor, genèse d'un imaginaire francophone. P.: Editions Gallimard, 2005.
11. Garrot D. Léopold Sedar Senghor, critique littéraire. P.: Nouvelles Editions Africaines, 1978.
12. Glayman C. Léopold Sédar Senghor, la poésie de l'action. P.: Stock, 1980.
13. Hommage à Léopold Sedar Senghor, homme de culture: ouvrage collectif. P.: Présence Africaine, 1976.
14. Iser W. L'acte de lecture, Théorie de l'effet esthétique / traduit de l'allemand par Evelyne Sznycer. Deuxième édition. Bruxelles: P. Mardaga, 1976.
15. Kesteloot L. Comprendre les poèmes de L. S. Senghor. P.: Editions Saint-Paul, 1986.
16. Njami S. C'était Senghor. P.: Editions Librairie Artheme Fayard, 2006.
17. Paperno I. Пушкин в жизни человека Серебряного века // Cultural Mythologies of Russian Modernism. From the Golden Age to the Silver Age / ed. by B. Gasparov, R. P. Hughes, I. Paperno. Berkeley: University of California Press, 1992.

18. Samba P. M. Léopold Sedar Senghor, philosophie de la culture. P.: Editions Harmattan, 2011.

19. Singare I. A. L'oeuvre poétique de Léopold Sédar Senghor: esthétique de la réception, procès de la création: these de Doctorat D'état. Cergy-Pontoise, 2012.

Информация об авторах | Author information

Ибрахима Гай¹

¹ Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

Gaye Ibrahima¹

¹ Siberian Federal University, Krasnoyarsk

¹ ibragaye961@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 26.11.2024; опубликовано online (published online): 30.01.2025.

Ключевые слова (keywords): образ А. С. Пушкина; биография поэта; феномен «Пушкин в жизни»; творческое наследие Л. С. Сенгора; движение негритюда; image of A. S. Pushkin; biography of the poet; phenomenon “Pushkin in life”; creative heritage of L. S. Senghor; Negritude movement.